

Вячеслав МАНЯГИН

ОДИН ДЕНЬ
ДЕНИСА ИВАНОВИЧА
ХРОНИКИ КОНЦА СВЕТА

Вячеслав Манягин

**Один день Дениса Ивановича.
Хроники конца света**

«Книжный мир»

2019

Манягин В. Г.

Один день Дениса Ивановича. Хроники конца света /
В. Г. Манягин — «Книжный мир», 2019

ISBN 978-5-6042990-8-1

В новой книге Вячеслава Манягина мозаика рассказов, эссе и статей сложилась в причудливую полуфантастическую хронику нашей жизни на пороге Апокалипсиса – каким бы он ни был: библейским, ядерным или гуманитарным. Мир, как Божественный театр одного Зрителя, где мы играем самих себя на подмостках истории, стремящейся к своему концу – вот мысль, объединяющая разные по жанру, но единые по направлению цветные стеклышки картины, которую складывает автор. Зависит ли наше будущее от нас? Понимает ли Бог человека? Возможна ли революция в России? Или нашу страну ждет фашистская диктатура? Почему свобода воли неизбежно ведет к греху? И правда ли, что Бог есть любовь? Ответить на эти вопросы – все равно что пройти босиком по лезвию бритвы и не порезаться. Но автор, по крайней мере, попытался это сделать.

ISBN 978-5-6042990-8-1

© Манягин В. Г., 2019

© Книжный мир, 2019

Содержание

Часть I. Хроники конца света	6
Один день Дениса Ивановича	6
I	6
II	8
III	9
IV	10
V	11
VI	13
Паломничество	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вячеслав Манягин
Один день Дениса Ивановича.
Хроники конца света

© В.Г. Манягин, 2019

© Книжный мир, 2019

Часть I. Хроники конца света (рассказы)

Один день Дениса Ивановича

*Ветер ли старое имя развеял,
Нет мне дороги в мой брошенный край...*

I

Ровно в 6.30 в мозгу Дениса Ивановича Ухова раздался жуткий зудящий звук. Наверно, такой звук издала бы газонокосилка, если бы кто-то вздумал косить ранним утром газон под окном спальни. Для общей побудки работников второй временной смены специально был выбран невыносимо противный сигнал: от него любая «сова» пулей вылетала из-под одеяла, даже не задумываясь о возможности задержаться в постели хоть на секунду. Только тогда прекращалась тошнотворная вибрация в мозжечке.

Вот и Денис Иванович, несмотря на то, что вчера засиделся до второго предупреждения, вскочил, как всегда, не помня себя. Он пошатнулся, стремясь восстановить нарушенное прыжком равновесие, и попал ногами в шлепанцы, уже включенные машиной в момент его пробуждения на подогрев. Шлепанцы приятно ласкали ноги, несмотря на то, что в комнате еще сохранялась бодрящая температура, рекомендованная для сна в это время года.

Стоило принять вертикальное положение, и приятный мужской баритон, знакомый до тошноты, стал зачитывать, что произошло за то время, что Денис Иванович спал, и был избавлен от необходимости слушать русскую версию «WorldNews». Денис Иванович знал наизусть, в каком месте голос в голове начнет восторженно подсюсюкивать, в каком патетически возвысится, в каком от волнения перестанет выговаривать букву «р».

Ничего нового из новостей Денис Иванович не узнал. Объединенные миры жили своей повседневной жизнью. На границе между Еврозоной и Магрибом около двухсот нелегальных иммигрантов погибли при попытке преодолеть ультразвуковую завесу, в Зимбабве спецгруппа Африканского корпуса антитеррора вновь безуспешно пыталась поймать главу «Черных львов». На МКС вышел из строя тринадцатый модуль второго электронного центра и двадцать один миллион потребителей восьмого региона в Центральной Азии лишились своего ежемесячного кредита.

«А в остальном, прекрасная маркиза...» – стало всплывать что-то дикое в памяти Дениса Ивановича, но утренние новости зазвучали громче, и странные слова, так и не оформившись, упали обратно в подсознание. В последнее время такие странности стали происходить с Денисом Ивановичем все чаще, и он уже всерьез подумывал, не посетить ли ему передвижную станцию психокоррекции, которая появилась недавно в их промышленной зоне.

Усилившись, голос диктора стал слегка дребезжать, эхом перекатываясь внутри черепной коробки. Запломбированный в зуб приемник был старый, и на повышенной громкости шло искажение высоких частот. Это было довольно неприятно, но денег на новый радиоимплантант у Дениса Ивановича не было, а бесплатно, в связи с последними поправками в Глобальный Имплантационный Кодекс, теперь вживляли только идентификационный чип новорожденным. Не то что в седьмом году – по домам ходили, уговаривали даром взять. Тогда почти всем вставили аудиочип – для предупреждения о террористической атаке.

Но голос в голове усилился еще немного, и мысли, как-то само собой, стали более прозаическими. Вытащив из одеяла микроаккумулятор и воткнув его на подзарядку, Денис Иванович направился по коридору к единственному на все шесть жилых ячеек туалету.

В это общежитие его выселили из двухкомнатной квартиры в Печатниках еще в 2025-м за долги по квартплате. Тогда, во время Февральского кризиса, без вести пропал сын, а затем, чтобы хоть как-то прокормиться, уехала на заработки в Турцию дочь – и тоже исчезла без следа. (Что, в общем-то, и не странно, если учесть, какой бардак царил в Азии после взрыва на Храмовой горе.) Денис Иванович запил, и через полгода оказался здесь, в рабочей общаге на самой границе восточной промзоны...

Неприятные мысли прервал, как это часто бывало в последнее время, неожиданно острый позыв по большой нужде. Хорошо, что туалет был свободен – одни соседи поднялись раньше, в первую смену, другие еще спали до начала третьей. Рациональное размещение обитателей ячеек стало частью программы по амортизации трудовых ресурсов три года назад.

В ватерклозете было чисто, пахло озоном, тускло светила под потолком синяя лампочка в граненом колпаке. Словом – больше походило на медицинский кабинет. Денис Иванович запер дверь, и на сером пластике снаружи засветилась надпись «OFF», а внутри замерцал маленький зеленый монитор, по которому побежали буквы и цифры, имеющие непосредственное отношение к Денису Ивановичу. Сев на стульчак, Денис Иванович сунул растопыренные пальцы в прорезь справа от себя, и увидел, как сверху и снизу по ладони пробежал багровый луч сканера, снимая отпечатки и убивая бактерий, затем в палец кольнуло – машина взяла ежедневную пробу крови. Как только Денис Иванович поднялся, в щели под экраном шелкнуло, и ему в руку упал неровно срезанный талончик с бледно пропечатанным штрих-кодом и надписью: «Практически здоров. До работы допущен».

Под звуки браваурной мелодии, извергаемой в мозг чипом, Денис Иванович прибрал за собой в туалете. Только тогда автоматический замок открылся, и он смог выйти в коридор, где уже топтался сосед из седьмой ячейки.

«Приятного времени суток!» – бодро воскликнул Денис Иванович (хотя ни приятности, ни бодрости совсем не испытывал) и поспешил в ванную комнату. Два умывальника из нержавеющей стали, и окружающий их кафель сияли нечеловеческой чистотой. Однако горячей воды в кране опять не было – на прошлой неделе поставки нефти в первую экономическую зону Северной Америки вновь пришлось увеличить, и лимит на горючее был урезан еще на двадцать процентов.

От таких мыслей марш в голове достиг апогея, так что Денис Иванович поспешил как можно скорее умыться и сбежать на первый этаж (лифт не работал из экономии), где в первой секции третьего зала его ждал завтрак. Сунув палец с кошельком в кассовое гнездо, Денис Иванович плюхнулся на стул из крепчайшего пластокерамика и протянул руку к раздаточному лотку в центре стола.

Уже давно Денис Иванович прекратил попытки понять, что он ест. Бесконечный ряд успехов генной инженерии привел к тому, что еда, как уверял баритон в голове, стала неизмеримо полезней и питательней. К сожалению, это не сказалось на ее вкусе. Денис Иванович с отвращением, которое не смог до конца заглушить даже аудиочип, поднес ко рту ложку с какой-то слизистой дрянью, приготовленной специально для него по результатам утренних анализов.

Впрочем, – убеждал себя Денис Иванович, – может, он просто забыл, и стряпня жены (лицо ее стерлось в памяти, а после шестимесячного запоя не осталось даже фотографической карточки) была ничуть не лучше этой «каши диетической из сорго модификации GM-8»?

II

Станция монорельса располагалась почти у порога общежития, так что каждые полчаса его серые стены вздрагивали от проходящего всего в нескольких метрах состава. Но жильцы, особенно первых трех смен, охотно мирились с таким неудобством, так как близость перрона давала им пару дополнительных минут по утрам.

И все же, Денис Иванович чуть не опоздал. Баритон в голове отсчитывал секунды, оставшиеся до отправки его смены в промзону, когда запыхавшийся, Денис Иванович влетел в сектор контроля, и чуть не вывихнул палец, пытаясь попасть им в кассовое гнездо. Прозрачная створка турникета скользнула в пол. Не дожидаясь, пока она окончательно исчезнет, он перепрыгнул венчающие ее блестящие металлические шипы. Створка за спиной хищно чавкнула, словно пытаясь отловить нарушителя, но Денис Иванович уже вскочил в готовый отъехать поезд. Все места в головном вагоне были заняты, и он, следуя раздававшимся в голове инструкциям, прошел во второй, разыскивая предназначенное ему машиной место.

Не успел он сесть, как состав мгновенно разогнался, и через полминуты проскочил тамбур защитного купола той соты, где жил Денис Иванович. Как всегда в момент перехода он почувствовал слабый укол в предплечье. Когда сразу после вживления «цифрового ангела» Денис Иванович пожаловался врачу на неприятные ощущения, тот, покопавшись в больничных записях, сказал, что это последствия прежнего неумеренного потребления алкоголя. «Придется мириться с этим маленьким неудобством» – по-дружески улыбнулся Денису Ивановичу присутствовавший при осмотре представитель фирмы-производителя – «Ведь мир и безопасность стоят того. Не правда ли?» И Денис Иванович, вспомнив телевизионные кадры с места Даккарской катастрофы, почти искренне ответил ему: «Конечно».

Сразу после тамбура за окном замелькало открытое пространство промышленной зоны. Здесь не было купола, и серое осеннее небо, уже светлеющее у горизонта, висело низко над головой. Темные корпуса предприятий были отделены друг от друга слегка мерцающей, подсвеченной для безопасности, ультразвуковой завесой.

Через две остановки Денис Иванович сошел, и, оплатив проезд, услышал, как приятный женский голос в голове (автоматический оператор регионального банка) уведомил о том, что на его счету осталось менее 10 процентов месячного кредита. Затем мужской баритон вежливо напомнил, что рабочая смена начнется через пять минут.

Больше всего Денису Ивановичу хотелось выругаться. Он вежливо улыбнулся, и, пробормотав неизвестно кому: «Приятного времени суток!», пошел к своему корпусу, держась середины между двумя широкими белыми полосами коридора безопасности в ультразвуковой завесе. Впереди и сзади – он не видел, но знал это – скользили в утреннем сумраке как тени десятки мужчин в блекло-голубых рабочих костюмах. Споры, но без суеты, подходили они к пластокерамической двери корпуса и исчезали за ней. Их четкие до автоматизма движения слегка раздражали Дениса Ивановича, хотя он понимал, что и сам движется точно так же, под ту же ритмичную, бодрящую музыку.

Подойдя к проходной, Денис Иванович вошел в нее как раз в тот момент, когда предыдущий работник, пройдя контроль, закрыл за собой внутреннюю дверь тамбура и Денис Иванович остался в ней один, если не считать бдительного автоматического циклопа, поблескивающего глазом камеры телеслежения. Денис Иванович подставил ему для аутентификации зрачок, и в тот же момент испытал знакомое легкое покалывание в правом предплечье – сняли данные с «цифрового ангела». Он сунул в прорезь на груди «вахтера» выданный ему утром в туалете пластиковый талончик с данными анализов, и вошел в распахнувшуюся перед ним дверь.

Длинный ряд кресел с колпаками, похожими на фен, тянулся по коридору вдаль. В креслах, расслабившись, сидели мужчины с полужакрытыми глазами, словно пораженные коллективным параличом. Денис Иванович сел на свободное место и приготовился к психоэмоциональной загрузке.

По мере того, как музыкальные ручейки, журча, растекались по сознанию, а странный, ангельски-бесполоый голос произносил слова, смысл которых тонул в звуках музыки, Денис Иванович ощущал, как он становится иным.

Словно старая ветхая плоть, разложившись, нечувственно опала с костей, а вместо нее скелет облекли в новое тело, искрящееся здоровьем и радостью. Сознание стало прозрачным, мысли – четкими, руки – умелыми. Чувство всемогущества и силы захватило дух. Болезненное желание творчества пронзило ум. И не осталось ничего, что не было бы подчинено этому желанию.

Денис Иванович с трудом распахнул глаза. Необыкновенное счастье захлестнуло его так, что он задохнулся. Мир был прекрасен.

III

Счастье переполняло его, когда он сел за свое рабочее место. Посреди пустого стола матово поблескивал шлем. Денис Иванович бережно, не торопясь, одел его и погрузился в нирвану. Эти мгновения он любил даже быть может больше, чем метаморфозы в коридоре. Там он был глиной, а сейчас становился творцом. Он начинал творить.

Прежде (в той жизни – с усмешкой позволял себе иногда думать Денис Иванович) он занимался кибернетикой. Срашивал плоть и камень. Потом началась перестройка, затем – бес знает что. Институт закрыли, все торговали на рынке – кто картошкой, кто Родиной. Он не смог ни тем, ни другим. Когда в страшном 2026 подышал в своей общаге, в нищете и в пьяной блевотине, его нашли. Вымыли, вылечили, дали шлем. И он начал работать, не спрашивая – на кого и зачем.

Да тогда и понять это было невозможно. Все рушилось в тартарары. После нескольких размеренных лет беснование охватило страну. Да что там страну – планету. Взрывались химические заводы. Проваливались в карстовые пустоты атомные электростанции. Рушились небоскребы. Падали самолеты. Гибли президенты. Словно стальная метла прошла по земле. И воцарился хаос.

Из всех щелей полезли смуглолицые безумные автоматчики, обкуренные, нечеловечески жестокие – как может быть жесток лишь человек. В редкие минуты просветления Денис Иванович с содроганием смотрел репортажи «с места событий». Автоматчиков убивали, но их становилось все больше и больше.

И, наконец, словно прорвало плотину.

Многие десятки, быть может, сотни миллионов потерявших надежду выжить существ буйной лавиной потекли из недр Африки и Азии. Они шли по всем дорогам с юга на север, кто с автоматами, кто с ножами, кто просто с палками и камнями. Впавшие животы, облепленные чесоточной кожей ребра, запавшие, сумасшедшие глаза, потрескавшиеся губы...

Как саранча, сметали все на своем пути, оставляя за спиной пустыню: ни листочка, ни травинки, ни косточки. Мало кто не пробовал человечины. Но пищи все равно не хватало. Ослабевшие падали, и тысячи ног превращали их в чавкающую бурю грязь.

Пересечь границу «цивилизованного мира» им не дали. Выросли в небе адские грибы. После атомного пожара ветер долго гонял людской пепел по оплавленному песку. Проблема была решена.

Выжившие превратили Европу в цитадель, оградив ее УЗЗ и автоматическими постами слежения. Вслед за Европой так же поступили Израиль, США и Япония.

Десятки уцелевших в катаклизме мегаполисов по всему миру стали осажденными анклавами, спрятались за ультразвуковыми завесами, накрылись пластокерамическими куполами от радиоактивной пыли и ядовитых дождей.

На всем остальном пространстве – укрепрайоны в добывающих зонах и базы антитеррора, следящие за своевременной депопуляцией неконтролируемых элементов. Работа там адская, но и месячный кредит в три раза выше, чем в анклавах.

Впрочем, для Дениса Ивановича величина кредита была не так уж и важна. Важно, что, надев шлем, он попадал во вселенную, где рядом с его разумом светилась тьма других разумных миров, и все они как единое целое, как высшее братство, шли сквозь тернии к звездам. Только раскрой себя – и в единстве мысли вырастали пред незрячим взором невероятные, дух захватывающие, горящие холодным огнем и уходящие в бесконечность архитектурные конструкции храма мироздания.

Как единый разум они проектировали этот храм – не зная друг друга, не говоря друг другу ни слова, но, как огромный хор, подчиняясь незримому дирижеру, гениальнейшему, величайшему дирижеру, который возвышался над землей, достигая неба.

Они видели мириады человеческих кирпичиков, сложенных в бесконечную пирамиду. Она стояла на краю севера, вознося вершину выше Полярной звезды. Они понимали, что стали соучастниками в строительстве этой величайшей в истории башни. Они были воинством великого Архитектора Вселенной.

Они обожали его. Они поклонялись ему. Они ненавидели его.

IV

Чудное видение пропало, белая вспышка пронзила сознание, и Денис Иванович понял, что наступил конец его рабочей смены. Он снял шлем, и обессилено рухнул грудью на матовый стол. Шесть рабочих часов вымотали его до предела. Так плохо он не чувствовал себя и после шестимесячного запоя. Надо было отдышаться хотя бы десять минут, прежде чем он сможет покинуть эту комнату.

Плечи тихонько подергивались, руки сводило от перенапряжения. Денис Иванович положил их на гладкую поверхность стола и прижал сверху колючим подбородком. Глаза его, запавшие и обведенные синей каймой, незряче уставились на тускло поблескивающий шлем, лежащий всего в нескольких сантиметрах от его лица.

В эти десять послерабочих минут все оставляли его в покое. Даже баритон в голове почтиительно умолкал. Мозг становился пустым и черным, словно его черепная коробка была набита ватой, облитой чернилами. Не было никаких чувств, кроме безмерной тоски о себе. Кровь толчками била в затылок. И этими десятью минутами вселенского одиночества Денис Иванович дорожил, быть может, больше всего в своей теперешней жизни.

Но эти десять свободных минут вконец раздавили его. Когда раздался сигнал идти, Денис Иванович даже обрадовался. Он встал, и пошел по коридору к зоне контроля для мужчин. Хотя музыка уже раздавалась у него в голове, настраивая на нужный ритм, Денису Ивановичу показалось, что он слышит сквозь шарканье ног донесшийся издали высокий женский голос.

Денис Иванович удивился. Он знал, что на другой, наглухо отгороженной половине здания находятся сотни молодых и здоровых женщин. Именно они служили источником той буйной жизненной энергии, которая втекала утром в Дениса Ивановича и его сотрудников.

Он мгновенно представил себе большой квадратный зал с холодными белыми стенами, тесные ряды пластокерамических кресел и сидящих в них целый день женщин. Представил их бледные, осунувшиеся несмотря на специальное питание лица под низко надвинутыми до самых глаз биошлемами. Больше года не выдерживала ни одна.

Куда они девались потом, Денис Иванович даже не представлял.

Впрочем, это его и не волновало. Да он и не помнил, когда женщина волновала его в последний раз – в 2024-м? 2025-м? В открывшиеся два года назад клубы виртуальной любви он не ходил никогда. Денис Иванович подозревал, что никакая виртуальная любовь не сравнится с тем ощущением, которое он испытывал во время метаморфозы перед рабочим днем. Ни виртуальная, ни, тем более, реальная любовь ему была не нужна. И он сэкономил свой кредит совсем для другого.

Единственное, что его волновало в данный момент – действительно ли он слышал женский крик, или ему это только казалось? Если у него в голове зазвучал чужой голос – психокоррекция практически неизбежна. И лучше пойти на нее самому, чем дожидаться официального приглашения от приятного баритона.

Денис Иванович вышел во двор, и тут же увидел эвакуатор. Транспортный робот канареечно-желтого цвета с эмблемой алого дракона, распластавшегося на белой шестиконечной звезде, медленно заворачивал за угол, к женскому входу. Значит, крик ему не послышался. Просто кто-то из женщин не отработал свой годовой контракт до конца. Денис Иванович вздохнул с облегчением.

Проезд эвакуатора нарушил четкий ритм, и перед входом выстроилась небольшая цепочка мужчин. Один за другим они начинали движение к станции монорельса. Повинуясь настойчивому сигналу, Денис Иванович так же занял свою очередь и сделал шаг вперед.

Он размеренно шел, соблюдая дистанцию и ритм, навязанный ему бодреньким маршем, но мысли его лениво текли параллельно звукам трансляции. Сейчас можно было расслабиться, невидимый цензор не давил посторонних воспоминаний, как это было утром перед работой. Эта свобода мысли – Денис Иванович точно знал – была частью системы релаксации тех, кто работал над проектом.

Женщин для эмоциональных батарей можно было легко найти. Таких как он – нет. Они – генетики, электронщики, кибернетики – были невозстанавливаемым ресурсом. Как нефть или газ. Университетов больше не было, профессора исчезли давным-давно, когда еще понимали смысл слов «государственные ассигнования на фундаментальные науки», но о самих ассигнованиях только вспоминали. Теперь некому и некого было учить. Такие как он были последние из могикиан, выжившие в резервациях нового мира. Их надо было беречь, пока в пирамиду не будет уложен последний кирпичик.

А пока им позволялась некоторая вольность. Иногда Денису Ивановичу казалось, что некто, сидящий в центре паутины, сам наслаждается всплывающими в сознании людей картинками навсегда потерянного старого мира: летнего вечера, домашним запахом жареной с луком картошки из распахнутого окна, голосами детей. И наслаждаясь ими, некто испытывает жуткий восторг разрушения, и задрав морду к бледной луне, издает торжествующий рык победителя.

V

Денис Иванович спал в вагоне монорельса, несмотря на то, что в плечо кольнуло, по меньшей мере, раз тридцать. Состав пересек Москву по широкой дуге, огибающей полуразрушенный центр города, и вырвался из-под последнего купола, уже начинающего по вечернему кое-где мерцать осветителями. Теперь монорельсовая дорога прорезала северо-западную промзону. В пяти метрах от окон вагона мелькала подсветка УЗЗ, за которой уходили в бесконечность глухие темные стены промышленных корпусов, круглосуточно поглощавших и извергавших сотни тысяч рабочих.

Денис Иванович вздрогнул, словно его кольнули иглой. Машина разбудила его ровно за полторы минуты до конечной станции. Сон освежил его и восстановил силы. Денис Иванович оглянулся. Пустой вагон тонул в сиреновом сумраке, только над его местом светила слабая

маленькая лампочка. Поезд мягко затормозил. Лопатки вжало в спинку сиденья, потом отпустило. Он встал, потянулся, разминая руки, и вышел на темную платформу.

Как только его нога коснулась плиты, впереди вспыхнула подсветка зоны контроля. На этот раз, сунув палец в гнездо, кроме стандартного уведомления о сокращении кредита пришлось выслушать предупреждение о близости пограничного сектора и мерах безопасности вблизи мощной УЗЗ.

Слева от станции начинались городские руины, на окраине которых возвышался блок-пост. Узкие наружные бойницы уже светились в раннем сумраке, несколько антенн уходили высоко вверх. Дальше к северу простиралось пустое безжизненное пространство – запретная зона. По светлому фону неба скользнула темная тень патрульного «голиафа». Самой ультразвуковой завесы не было видно – пограничные УЗЗ не подсвечивали, но Денис Иванович знал, что она там, в трех километрах от развалин бывших Мытищ. Даже здесь, вдали от нее, он ощущал, как бегают по коже мурашки.

Повернувшись спиной к границе, Денис Иванович пошел на юго-восток, прочь от зудящей стены. Миновав рухнувший автомобильный мост через Язу, он перешел речку по чудом уцелевшему в ложбине мостику и оказался на заросшей проселочной дороге, ведущей к Перловке. Здесь, на болотистом прежде берегу реки стоял когда-то их летний домик. Впрочем, ни домика, ни болота уже не было. Адское пламя, слизнувшее город, все выжгло дотла и иссушило пойму. Зато и комаров теперь можно было не опасаться.

Денис Иванович сел на поросший жесткой травой пригорок, и, повернув лицо к узкой бордовой полоске на западе, погрузился в транс. Он был похож на огнепоклонника, навсегда расстающегося со своим угасшим божеством. На самом деле, Денис Иванович пытался вспомнить.

Он погружался в пучину времени все глубже. Время для него было подобно бутылочному стеклу: оно так же неузнаваемо искажало изображение знакомых предметов и придавало им странный болезненный оттенок. Он смотрел на всплывающие навстречу из глубины лица, и не знал – те ли они? Быть может, это еще одно наваждение его таинственных хозяев, как голоса в голове, как интеллектуальный оргазм на работе? Быть может, эти воспоминания – такая же составляющая часть проекта, как и все остальное?

Он точно помнил, что с этого пригорка тысячу лет назад маленькая девочка бросала в него полосатым мячом и смеялась, запрокинув к летнему небу загорелое лицо.

Но каким было это лицо, как звали девочку, какое на ней было платье – он вспомнить не мог. Он не мог бы с уверенностью сказать, что это была его дочь. Он не мог быть уверен даже в том, что дочь у него была, что это не результат какой-нибудь предыдущей психокоррекции. Он ни в чем не мог быть уверен.

Даже в эти минуты, когда он, как щенок, спущенный с поводка, тыкался носом то в один, то в другой угол своей памяти, он ничего не мог вспомнить. Ни жены, ни сына. Ни лица, ни имени. Только мяч, попавший ему в лицо, Денис Иванович вспомнил отчетливо – большой, клеенчатый, в бело-сине-красную полоску, с пластиковой затычкой в длинной резиновой соске.

Денис Иванович резко открыл глаза, как будто мяч и в самом деле ударил его по лицу, как тогда. Но не было светлого летнего дня, не было девочки, не было солнца. Он сидел в уже окончательно победившей ночной темноте, и тискал ослабшими руками сухую землю. Он был почти уверен, что здесь когда-то стояла маленькая босая нога. В этом он был почти уверен. Тьма – глухая, мертвая тьма – без стрекота кузнечиков, без кваканья лягушек, без рокота машин по шоссе, окружала его.

VI

На станцию монорельса Денис Иванович возвращался почти на ощупь. Ориентироваться помогали огни блокпоста, да далеко на севере висело, переливаясь высоко в небе, полярное сияние. В последние годы оно становилось все слабее, но Денис Иванович помнил, как первые пару лет после атомной бомбардировки этот диковинный свет мешал спать по ночам.

Впрочем, заблудиться во тьме ему никто бы не дал. Четкие контуры разрушенных улиц словно висели перед глазами прямо в воздухе, а красная пульсирующая точка – он сам – медленно ползла по направлению к станции.

Голод обрушился на Дениса Ивановича вместе с последними известиями «WorldNews». Только теперь он осознал, как давно не питался и, пройдя на перрон, поспешил к пищевому автомату. Выбрав из небогатого меню, обозначенного на сенсорном дисплее, пару дешевых бутербродов и синтетический кофе, Денис Иванович, повернувшись лицом к северному сиянию и стал сосредоточенно поглощать пищу.

Денег после этой поездки оставалось совсем мало, но все же их должно было хватить до следующего кредита. В крайнем случае, можно было перебиться на базовом пайке, хотя глотать несколько дней охлажденную питательную биомассу из общественного распределителя совсем не хотелось.

Новости закончились, и для его смены началась двухчасовая релаксационная передача. До ее окончания он должен был вернуться под свой купол. Он повернулся лицом к Москве – нагромождению светящихся в ночи куполов. Высоко над ними, в черном ночном небе, сиял огненный глаз низкоорбитального спутника. Этот глаз видел каждое из трех миллионов существ, копошащихся сейчас в вольере московского анклава. И Дениса Ивановича в том числе.

Он непроизвольно, словно хотел хоть на секунду избавиться от этого неотрывного взгляда, положил ладонь левой руки на правое предплечье, хотя прекрасно понимал, что живая плоть не сможет экранировать постоянный сигнал микросхемы. Но тут на посадку подали состав, и Денис Иванович поспешил занять свое место. Ему было немного смешно оттого, что машина выбирала ему место в совершенно пустом вагоне, среди сотни свободных мест, но он сел, послушно следуя ее указаниям.

Вагон пулею полетел к светящимся стенам Москвы. Краткое время вечерней свободы закончилось. Звуки в голове становились все неотступнее, и к тому времени, когда Денис Иванович вышел на перрон своей соты, забота машины уже не казалось ему смешной.

Свет, льющийся с купола, освещал ему краткий путь до общежития. Дверь, отсканировав глаз, радушно распахнулась. Автоматическая чистка обуви в вестибюле стерла загородную пыль с башмаков.

В полупустой столовой он проглотил приготовленный для него ужин из диетической «каши гречневой модифицированной» и стакана синтезированного молока. Усталый, но сытый и удовлетворенный, Денис Иванович поднялся в свою ячейку и вставил аккумулятор в одеяло.

Впереди была ночь, темная и глубокая как ущелье. Ночь без голоса в голове, ночь без бесплодных воспоминаний – только тьма и покой. Лета, в которую можно бросить прошедшие сутки.

И лишь одна мысль не давала покоя: завтра снова наступит день.

Паломничество

Что я делаю в такую рань на вокзале? Вчера раздался звонок Ивана, который предложил мне съездить в Сергиев Посад, к мощам Преподобного. «А то, – говорит, – потом, может быть, и не съездишь...» А почему не съездишь, так и не объяснил. Вот, говорит, встретимся, расскажу.

Так что теперь стою я под расписанием и жду Ивана. Глядишь, еще и опоздает, он всегда безалаберный был. Нет, не опоздал, вон бежит, веселый, словно и не полшестого утра. Впрочем, он такой – рукавом утрется – и словно не ложился.

– Привет, Степан, – говорит мне. – Ты, надеюсь, билет не купил?

– Да нет, – говорю, – извини, не купил, сам только что подъехал.

Ага, думаю, купишь, а потом и денег не получишь с тебя. Знаю я нас, православных, все норовим во славу Божью, как будто у других деньги на фикусах растут. А он радуется, как ребенок.

– Это хорошо, что ты билеты не покупал, мы и так, с Божьей помощью, проедемся.

– Как это? – удивился я. – Сейчас без билета и бомж на платформу не проскочит. Наставил Лужок и турникетов, и билетеров...

– Ага, – по-прежнему радуется невесть чему Иван, – и даже контролеров, которые следят за билетерами, чтобы те через турникеты за червонец безбилетников не пропускали. Как на фронте, заградотряды за штрафными ротами.

– Ну, вот, – вторю я Ивану, – а ты говоришь «так»...

– Да ерунда все это! – опять растянул рот в улыбке Иван. – Вон, видишь, с левого края павильоны с турникетами заканчиваются, и дальше идут платформы дальнего следования без турникетов?

И стал рассказывать, что он уже давно катается на электричке бесплатно. Просто проходит по платформам дальнего следования до самого конца, а там, будто специально, ступеньки сделаны. Спускаешься по ним, проходишь по путям до пригородных электричек, а там опять по ступенькам поднимаешься на платформу и садишься в вагон. И едешь себе, куда душевнее угодно.

– А если контролеры в поезде подойдут?

– А подойдут контролеры – дай им рублей двадцать, они и отойдут.

– Да ведь грех это, Иван, – принялся я его вразумлять.

А он так насмешливо:

– Да какой же это грех?

– Пойми, – говорю я ему, – ведь эти деньги нужны государству. Оно из них пенсии платит, детей малых лечит, старикам помогает. Без них ни школы, ни больницы работать не будут, да и электрички не поедут... Ты не государству не платишь, ты у стариков и детишек деньги крадешь.

А он еще пуще смеется.

– Чудной ты какой-то, Степан, – говорит мне, – словно и не в России живешь! Российские железные дороги давно уже акционерному обществу принадлежат. А пенсии не государство платит, а из кармана у работяг забирают, да в карман Пенсионного фонда перекладывают, а там на эти денежки себе новые офисы строят и служебные мерседесы покупают. Ну а что останется, может и подадут старикам. А может, в банк крутиться положат. А если государство и строит какие новые школы и больницы, то не для русских людей, а для чеченских бандитов. Построит, те придут да взорвут, а потом снова строят. При этом столько украдут, что и на грузовике не увезешь! Грех! Грех этим правителям в руки деньги давать. Вот это грех, потому что каждый рубль у них в руках смертью для нас, русских оборачивается!

Тут я на него руками замахал:

– Ты что несешь, окстись!

– Это ты окстись, – неожиданно разозлился он. – Живешь как страус с головой в песке. Ты хоть знаешь, что за прошлый год в России население сократилось на полтора миллиона?! Каждый час русских становится меньше на 175 человек! Зато еврей Абрамович за тот же час становится на миллион долларов богаче! Каждый умерший русский приносит ему 5 тысяч 714 долларов дохода! Неплохой гешефт на русской крови?

– Да причем тут Абрамович? – тут уж я возмутился. – Он, что ли, этих русских убивает?!

Иван поглядел на меня, и говорит ни к селу, ни к городу:

– Эх, ты... Божья коровка...

Повернулся и пошел к платформам дальнего следования. Догнал я его, и говорю:

– Слушай, Иван, ты иди по своим ступенькам, а я пойду, все же билет куплю. Я человек законопослушный, богобоязненный, бесплатно не поеду, ты уж прости...

– Бог простит, – отвечает. – Ты хоть тогда не бери за полную стоимость, возьми за тринадцать рублей до Лосинки, а там пройдешь на платформу, сядешь, глядишь и доедешь по дешевке. Нечего этим жидам денежки в карман класть. А в поезде найдем друг друга, садись во второй вагон.

– Ладно, ладно, – говорю, а сам скорее к кассам. Да и пора уже, а то и так того и гляди, к Литургии опоздаем с этими дурацкими разговорами.

Билет я взял, конечно, за полную стоимость, выложил все 128 рубликов в оба конца. Зато душа спокойна. Сел у окошка, благо электричка утром идет из Москвы пустая, занял место и для Ивана. За минуту до отхода и он в вагон дошел. Посмотрел я на часы – почти двадцать минут он по своим платформам добирался. Ну что тут скажешь: десять верст – не крюк для бешеной собаки.

– Ну и стоит оно того, чтобы по рельсам да по камням себе обувь бить? – неосторожно начал я прежнюю тему. Иван насупился:

– Принцип обуви дороже. Да и не правы они. Эти турникеты решением Московского городского суда должны были еще два года назад снести, так как не имеют права препятствовать выходу пассажиров с платформ, а они не только не снесли, но еще и заборов вокруг пластиковых понастроили.

– И правильно, – говорю, – с нашим русским народом только так и надо. Еще Гоголь говорил, что у нас вор на воре сидит и воров погоняет...

– Не Гоголь, а Собакевич, – показал свою образованность Иван. – А все воры у нас на электричках не ездят, они на лимузинах ездят, причем за наш счет.

– Это как, «за наш счет»?

– Так все воры у нас в чиновники подались. А у чиновников лимузины государственные, то есть, за наш счет, из налогов. Заплати – и спи спокойно, пока чиновник на твои денежки на Канарах зажигает...

– Ну, чиновники у нас тоже часть народа...

– Ага, часть народа... Избранного. Ты посмотри, кто в правительстве: Фрадков, Швыдкой, Рейман, Греф... Да и те, кто с русскими фамилиями – тоже из избранных. Помнишь, как у Высоцкого: «Русский я, по паспорту...» Так что это еще вопрос, кого за забор надо сажать.

– Да перестань ты, вспомни, как сказано в Писании: «Начальствующего в твоём народе не злословь...»

– Они не из моего народа, а из своего, и не в моем народе начальствуют, а над моим народом. Захватчики, грабители, воры... Ну ничего! Это про них пророк сказал: «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя».

Тут наш богословский диспут прервал свисток электрички. Мы, наконец, тронулись в путь. За окном поплыл железный забор, выкрашенный в нежно-голубой цвет Ярославской железной дороги. Минут через пять я забеспокоился:

– И долго это продолжаться будет? В окно поглядеть не на что...

– Забор-то? – усмехнулся Иван. – Ты, видно, давно не ездил. Забор аж до самых Мытищ протянули. Так что, привыкай за забором сидеть, хоть ты и не вор.

– Зато платформы какие красивые, плиточкой фигурной выложены, фонари новые, крыши из цветного пластика.

– Ага. Ты даже в тюремной камере положительные моменты найдешь.

– А я честный человек, у меня билет есть, мне заборы не помеха. Они только халявщикам мешают.

Иван только усмехнулся:

– Ну-ну, честный человек. Смотри, опомнишься, да поздно будет: утром выйдешь на балкон, а вокруг одни заборы. Впрочем, ты не певчая птичка, а куры и в клетке несутся. Только знаешь, первый год они несутся, а на второй-то их на мясо пускают...

Не знаю, до чего бы мы еще договорились, но тут дверь в вагон тихонько откатилась в сторону, и вошел какой-то бомж. Несмотря на то, что старичок был чистенький и не вонял, а светлые глазки глядели осмысленно и ясно, то, что это бомж, было видно с первого взгляда. На целые, но явно кем-то выброшенные ботинки множеством складок спускались мешковатые брюки, а их почти до низу скрывало наглухо застегнутое драповое женское пальто. Шапки, хотя было прохладное утро, у него на голове не было, и большую розовую лысину прикрывали редкие пряди совершенно седых, но тоже чистых и причесанных волос. В руке бомж держал большую пластиковую бадейку с дымящимся растворимым супом и жадно, но аккуратно и беззвучно, ел из нее.

Хотя бомж был необычно опрятен, я брезгливо поморщился: «Сейчас побираться начнет». А Иван дурак, тут же, словно для того, чтобы приманить бомжа, стал совать ему десятку. Тот поднял на Ивана свои пронзительные, словно слезящиеся (хоть и чистый, а видать, все равно, больной!) глаза, взял десятку и молча пошел дальше, на ходу глотая горячий суп.

– Дурак ты, Иван. Экономить, экономить на билете, а первому же бродяге все и спускаешь, – удивился я.

– А я не экономлю, я билет из принципа не беру. И пусть уж лучше эту десятку получит бездомный старик, чем АО РЖД. Не ты ли на вокзале о пенсионерах пекся? И, потом, знаешь, я всегда чувствую себя виноватым перед ними – вот они воевали, восстанавливали страну, нас растили, ждали в старости отдыха и уважения. А тут пришли эти подонки, все отняли, разрушили, опоганили. А мы, взрослые, здоровые мужики вместо того, чтобы защитить – радостно ржали, как жеребцы стоялые: даешь демократию! даешь общество всеобщего потребления! даешь колбасы, как на Западе! Даешь! Даешь! Даешь! Ну, нам и дали прикурить. А по старикам просто катком прошлись...

– Ладно ты, хватит в грудь себя бить. Какая тут твоя вина? Эти бомжи – просто пьяницы. Пропили все, имущество, квартиру, совесть. Шляются теперь, никому ненужные, попрошайничают, а ты нюни распустил: *mea culpa, mea culpa*...

Поезд вздрогнул, покидая очередную остановку. В вагон ввалилась толпа. Многие были явно знакомы друг с другом, занимали места, устраиваясь целыми купе. Мужчины принялись играть в козла, азартно переругиваясь при неудачных ходах партнеров. Тетки стрекотали что-то свое... Все ехали на работу в Пушкино или в Софрино.

Рядом со мной присела молоденькая девушка. Иссиня-черные волосы волнистыми прядями ниспадали на ее смуглое красивое лицо. На вид ей можно было дать и шестнадцать, и двадцать лет. Я невольно залюбовался ее красотой, забыв о бомжах и Иване.

Девушка тут же стала дремать, постепенно склоняясь ко мне на плечо. Несмотря на насмешливые взгляды Ивана, которые он изредка бросал на меня, я старался не шевелиться, чтобы не потревожить спутницу. Вскоре вагон качнуло на стыке сильнее, девушка плотно прижалась ко мне, но тут же открыла глаза и смущенно извинилась. Поезд притормозил, и прекрасная незнакомка, ловко лавируя в толпе, проскользнула в тамбур.

– Что, прощай прекрасное виденье? – усмехнулся Иван, подняв голову от молитвослова.

– Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает, – вспомнил я какое-то древнеримское изречение. – Вечно ты все опошлишь, она же настоящий ребенок!

– Да? – с сомнением взглянул на меня Иван. – Смотри, на Кавказе рано взрослеют.

Он снова уткнулся в книгу. Я поднял голову и оглянулся вокруг. В вагоне после Пушкино поредело, а в Софрино вышли последние работяги. Но тут через вагон пошел, как лосось на нерест, косяк молодежи.

Иван вновь поднял голову:

– А, перебежчики! Видать, контролеры близко.

– Что такое? – удивился я.

– Молодняк от контролеров бежит. На следующей остановке мимо окон по перрону побегут до вагонов, где уже прошла проверка. Набьются туда, и дальше поедут.

Словно подтверждая слова Ивана о проверке, металлический женский голос из радиодинамика стал запугивать штрафом: «...взимаются деньги за фактическую дальность поездки и за оформление проездных документов в размере 50 рублей...»

Тут и контролеры подвалили. Иван сразу, ни слова не говоря, протянул ближайшему две свернутых десятки. Тот ловко, как фокусник, принял их двумя пальцами, и дензнаки навсегда исчезли в ворохе штрафных квитанций, которые он держал в руках. Затем контролер вопросительно взглянул на меня. Я уже хлопал по карманам в поиске портмоне, где лежали билеты.

– Сейчас, сейчас, – смущенно бормотал я, не понимая, куда оно делось. Неприятные мурашки пошли у меня по телу. В портмоне были все мои деньги, билет, и, главное, документы, в том числе и паспорт. Я виновато взглянул на контролера. – Он был, просто не понимаю, куда то делся...

– Ну-ну, – понимающе покивал контролер. – Ищите пока.

И пошел по другим пассажирам. Многие, как и Иван, совали ему десятки, которые он с видимым удовольствием собирал. Навстречу ему двигался второй сборщик. Мимо окна с веселым гоготом бежала молодежь. Я явно выпадал из общего ритма, чувствовал себя чужим среди чужих.

Где я мог потерять портмоне? Может, на вокзале, когда убирал билет? Едва ли. И вдруг вспомнил навалившуюся на меня спящую девушку. Поднимаясь, она уперлась рукой как раз в тот карман, где лежал мой бумажник. Неужели? Вот и делай после этого людям добро! И надо же, такая молодая, черноглазая... Цыганистая... Ах, я, балда! Но что же теперь делать?

К счастью, при покупке билета я сунул сдачу в другой карман. Семьдесят рублей – вот все, что оставила мне эта бесстыдная девка.

– Ну что? – раздался надо мной голос контролера. – Нашли билет?

– Вот... – я протянул ему две смятые десятирублевки.

– С Вас пятьдесят рублей, – контролер хмуро смотрел мимо меня.

– Но как же, все же по двадцать... – я тут же понял, что совершил большую ошибку, не стоило вслух упоминать о негласном соглашении, царящем в вагоне. Контролер стал еще строже, смотрел на меня бесстыжим стальным взглядом. Рядом с ним вырос второй:

– Что, проблемы?

– С Вас пятьдесят рублей, – снова повторил его напарник.

Я, не споря, протянул пятидесятирублевку. Второй уже принялся выписывать мне штрафную квитанцию. Иван с интересом наблюдал за процессом. В его глазах мелькали странные искорки. Не мог же он надо мной смеяться? Не по-дружески это, не по-христиански.

Контролеры отошли, и, усевшись в свободном купе, стали подсчитывать выручку. Поезд прогромычал по мосту над узкой речкой. Слева в окне, под лучами встающего солнца, золотились купола монастыря. Мы проезжали уже Хотьково. Иван перекрестился, повернувшись лицом к окну. Я грустно сжимал в руке две последние десятки. Настроение мое было ниже среднего.

Так, с тяжелой душой, я и шагнул на перрон Сергиева Посада. Дорогой до лавры пытался убедить себя, что бывает и хуже, что все по грехам нашим... Не полегчало. Мы прошли сквозь Святые врата. Впервые я с опаской исподтишка поглядывал на постовых милиционеров, дежуривших у монастырских ворот. Ведь если они захотят проверить мои документы, что я им скажу? Потерял? Украли? Задержат, начнут выяснять мою личность. Дикость какая!

Вон Иван идет со своим старым советским паспортом, и в ус не дует. Хотя на что годится его филькина грамота?! А он плюет на все, и ходит, где хочет. И ни разу не попался. А я вот первый раз без паспорта, и того и гляди заметут! За что, Господи?! Почему не его?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.